

КАК ГРЕХИ ПРЕДКОВ ВЛИЯЮТ НА ПОТОМКОВ

Семь поколений • Одно проклятие • Путь к освобождению

Андрей Попов

Андрей Попов

**Как грехи предков
влияют на потомков**

«Автор»

2026

Попов А.

Как грехи предков влияют на потомков / А. Попов — «Автор»,
2026

Мария вернулась в родовое поместье и обнаружила страшную закономерность: семь поколений её рода страдают от одних и тех же бед. Мужчины не доживают до сорока пяти, женщины не могут родить, дети болеют непонятными болезнями. Случайность? Нет. Всё началось в 1897 году с одного решения её прапрабабушки. Эта книга семейная сага о том, как распутать цепь родовых проклятий, распознать их признаки и разорвать круг несчастий. История освобождения через семь поколений боли. Фото из личного архива автора.

© Попов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: Письмо из прошлого	5
ГЛАВА 2: Шепот стен	9
ГЛАВА 3: Дети расплаты	16
ГЛАВА 4: Семь ступеней вниз	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Андрей Попов

Как грехи предков влияют на потомков

ГЛАВА 1: Письмо из прошлого

Здравствуйте, дорогие читатели!

Знаете, есть истории, которые не отпускают. Они живут в нас — тихо, незаметно — и однажды требуют ответа. Эта книга родилась именно из такой истории. Из вопросов, на которые многие из нас боятся искать ответы. Почему в одних семьях беда ходит по кругу? Откуда берутся эти странные повторения судеб? И самое страшное — почему страдают те, кто ничего не сделал?

Я не буду грузить вас терминами и научными выкладками. Просто расскажу вам про Марию. Обычную женщину, которая решилась заглянуть в прошлое своего рода — и нашла там то, от чего кровь стынет в жилах.

А теперь давайте начнем.

Конверт без обратного адреса

Мария сидела на кухне своей московской квартиры и смотрела на конверт так, будто он сейчас взорвется.

Желтоватая бумага. Старомодный почерк чернилами. И никакого обратного адреса — только ее имя, выведенное дрожащей рукой.

— Маш, ты чего застыла? — окликнул ее муж Антон из комнаты. — Кофе стынет!

Она не ответила. Пальцы сами потянулись к конверту, разорвали край. Внутри лежал один листок, исписанный тем же неровным почерком.

“Доченька моя. Приезжай в Ковылино. Пока не поздно. То, что я должна тебе рассказать, нельзя писать в письмах. Это про нашу семью. Про всех нас. Бабушка Анна.”

Мария похолодела. Бабушка Анна умерла три года назад. Она сама стояла у ее гроба, держала маму за руку, когда та рыдала навзрыд.

— Антон, — позвала она тихо. — Иди сюда.

Муж появился в дверях с кружкой в руке, увидел ее лицо и сразу посерьезнел.

— Что случилось?

— Письмо. От бабушки.

— От какой бабушки?

— От той, что умерла.

Антон присел рядом, взял листок. Прочитал. Молча вернул ей.

— Мало ли кто мог написать. Розыгрыш какой-нибудь.

— Это ее почерк, — упрямо сказала Мария. — Я знаю его лучше своего. Она учила меня писать прописью, помнишь?

— Маша...

— Я поеду.

Антон вздохнул. Он знал этот тон. Когда жена решала что-то всерьез, спорить было бесполезно.

— Тогда я с тобой.

— Нет, — она покачала головой. — Ты же понимаешь — работа, совещания. А мне как раз отпуск подошел. Съезжу на пару дней, разберусь.

Но про себя Мария уже чувствовала — это будет не пара дней. Что-то внутри сжалось тревожным предчувствием, когда она снова посмотрела на строчки письма.

Пока не поздно.

А что, если уже поздно?

Возвращение в забытый дом

Дорога заняла семь часов. Мария ехала на машине по трассе, потом свернула на разбитую областную дорогу, потом — на грунтовку между полями.

Ковылино встретило ее тишиной.

Деревня умирала. Из сорока домов жилыми оставались от силы десять. Остальные стояли с выбитыми окнами, заросшие бурьяном, словно скелеты прошлой жизни.

Родовое поместье Марии находилось на краю деревни. Двухэтажный деревянный дом, который когда-то считался самым красивым в округе. Резные наличники, широкое крыльцо, старый сад за домом.

Теперь это был призрак.

Краска облупилась, обнажив серые доски. Ставни висели криво. Крыльцо просело с одной стороны. А калитка так и вовсе отвалилась — лежала в траве ржавой грудой.

Мария вышла из машины и остановилась, не решаясь войти во двор.

Здесь она провела все детские летние каникулы. Бегала босиком по этой самой траве, забиралась на яблони в саду, слушала бабушкины сказки на этом самом крыльце.

А теперь дом смотрел на нее пустыми глазницами окон — и от этого взгляда становилось не по себе.

— Ты чего приехала? — раздалось сбоку.

Мария вздрогнула. У соседнего забора стояла старуха в выцветшем платке. Мария не сразу узнала в ней тетю Клаву — соседку бабушки.

— Тетя Клава! Это я, Маша. Анны Петровны внучка.

— Знаю я, знаю, — старуха подошла ближе. — Вопрос в другом — зачем приехала? Дом-то пустой стоит. После Анны никто не живет.

— Я... Я письмо получила.

Тетя Клава как-то странно посмотрела на нее. Долго молчала. Потом качнула головой.

— Значит, позвала тебя. Ну что ж. Заходи, раз приехала. Ключ у меня — Анна оставила перед смертью. Сказала, что если внучка приедет, отдать.

Она достала из кармана старый железный ключ на веревочке. Протянула Марии.

— Только ты там осторожнее, девка. Дом-то старый. Полы гнилые могут быть.

— Спасибо, тетя Клава.

— Не за что, — старуха развернулась, но на полпути обернулась. — И еще. Если что странное увидишь или услышишь — не пугайся. Дом этот... он живой. Память в нем осталась. Много памяти.

И ушла, оставив Марию стоять с ключом в руке и мурашками по спине.

Семейный альбом с темными пятнами

Внутри дома пахло пылью, сыростью и чем-то еще — чем-то таким старым, что у этого запаха даже названия не было.

Мария прошла по скрипучему коридору в большую комнату. Здесь раньше была гостиная. Старый диван, накрытый выцветшей накидкой. Комод с облупившейся краской. На стенах — фотографии в рамках, криво висящие на ржавых гвоздях.

Она подошла ближе и начала разглядывать лица.

Вот бабушка Анна в молодости — красивая женщина с тяжелым взглядом. Вот ее родители — прабабушка Елена и прадедуська Григорий. Вот дети, внуки, правнуки...

И вдруг Мария заметила странную вещь.

На многих фотографиях лица были аккуратно вырезаны. Просто круглые дыры вместо голов. Словно кто-то специально удалил этих людей из семейной истории.

— Что за черт? — пробормотала она.

На комоде лежал толстый альбом. Мария открыла его дрожащими руками.

Первые страницы были нормальными. Старые фото начала двадцатого века, пожелтевшие от времени, но целые. Потом начались вырванные страницы — просто пустые места, где раньше что-то было. А дальше снова фотографии, но уже с вырезанными лицами.

И опять целые фото. И опять дыры.

Мария листала альбом, и у нее в животе росло холодное предчувствие. Это не случайность. Кто-то методично удалял из семейной истории определенных людей — через одно-два поколения.

Она дошла до последних страниц и замерла.

Вот фото ее собственной свадьбы. Она и Антон, молодые и счастливые. А рядом — семейный снимок: мама, папа, брат Миша...

У брата вместо лица — аккуратная круглая дыра.

Мария уронила альбом.

Миша умер пять лет назад. Ему было всего двадцать восемь. Сердечный приступ — внезапный, необъяснимый. Врачи разводили руками — молодой, здоровый парень, спортсмен...

И кто-то вырезал его лицо из фотографии. Уже после его смерти.

— Бабушка, — прошептала Мария в пустоту дома. — Что ты хотела мне сказать?

Ответом была только тишина и скрип старых половиц наверху.

Словно кто-то ходил по второму этажу.

То, о чем молчат родственники

Мария провела в доме два часа, изучая фотографии и пытаясь найти хоть какие-то записи. Но кроме изуродованного альбома, ничего не обнаружилось.

Она позвонила маме.

— Мам, привет. Я в Ковылино.

— В Ковылино?! — мама всегда умела вкладывать в три слога целую гамму эмоций. — Зачем?!

— Приехала на пару дней. Хотела посмотреть на дом. Ты же знаешь, давно собиралась.

Пауза. Слишком долгая.

— Маша, — голос мамы стал жестким. — Уезжай оттуда. Прямо сейчас.

— Что? Почему?

— Потому что я так сказала! Там делать нечего. Дом старый, опасный. Ты можешь...

— Мам, у меня вопрос. Помнишь семейный альбом?

Еще одна пауза. Мария слышала, как мама дышит в трубку — часто, прерывисто.

— Какой альбом?

— Тот самый, с фотографиями. Почему у некоторых людей вырезаны лица?

Тишина.

— Мама?

— Я не знаю, о чем ты, — голос мамы дрогнул. — Какие вырезанные лица? Маша, ты что-то путаешь.

— Я держу этот альбом в руках! У Миши лицо вырезано. И у многих других людей из нашей семьи.

Она услышала всхлип.

— Мама, что происходит?

— Уезжай, — прошептала мама. — Пожалуйста. Не копайся в этом. Не надо.

— Но почему? Что такого страшного в нашей семье?

— Маша! — мама почти закричала. — Ты не понимаешь! Это... это проклятие. Нашего рода. Чем больше ты будешь копать, тем хуже будет. Оставь все как есть!

И бросила трубку.

Мария стояла посреди пыльной комнаты с телефоном в руке и чувствовала, как по спине ползут мурашки.

Проклятие.

Мама произнесла это слово всерьез. Без иронии, без смеха. С настоящим ужасом в голосе.

Мария посмотрела на фотографии на стенах. На лица с пустыми глазницами вместо голов. На вырванные страницы альбома.

— Значит, так, — сказала она вслух. — Значит, правда есть. И я ее найду.

Наверху снова скрипнули половицы.

Мария взяла телефон, включила фонарик и направилась к лестнице. Ступени стонали под ногами. Пыль стояла в воздухе столбом.

Второй этаж встретил ее темнотой и запахом старых вещей. Три комнаты — две спальни и чулан. Мария заглянула в первую спальню — пусто. Во вторую — только старая кровать и облупленный шкаф.

А потом она увидела дверь в чулан.

Она была приоткрыта. Мария точно помнила, что в детстве бабушка всегда держала чулан на замке. «Там старье, — говорила она. — Упадет чего на голову, зачем тебе?»

Но сейчас дверь была открыта. И из щели тянулся тонкий сквознячок, холодный и какой-то неправильный.

Мария толкнула дверь.

Внутри чулана, на старом сундуке, лежала тетрадь в кожаном переплете.

А на первой странице красивым старинным почерком было выведено:

«Дневник Елены Григорьевны Ковалевой. 1897 год».

Прабабушка.

Мария взяла тетрадь дрожащими руками и открыла следующую страницу.

«Сегодня случилось то, что изменит нашу семью навсегда. То, за что нас проклянут. И я должна записать правду, пока жива. Пусть потомки знают, с чего все началось. Пусть простят нас. Если смогут».

Мария присела прямо на пыльный пол чулана и начала читать.

А за окном садилось солнце, окрашивая старый дом в кроваво-красные тона.

ГЛАВА 2: Шепот стен

Дневник прабабушки Елены

Мария сидела на полу чулана до глубокой ночи, вчитываясь в выцветшие строчки дневника. Рука прабабушки Елены дрожала, когда она писала эти строки — чернила расплывались, буквы прыгали.

«15 августа 1897 года. Я больше не могу молчать. Григорий велел мне забыть, но как забудешь то, что жжет душу?»

Мария перевернула страницу. История разворачивалась медленно, как страшный сон.

Прабабушка Елена и прадедушка Григорий тогда только поженились. Молодые, красивые, полные надежд. Григорий получил в наследство большой участок земли в Ковылино — почти сто десятин. Хороший урожай, достаток в доме.

Но у соседа, Петра Зыкова, земля была похуже. Болотистая, каменистая. Урожаи скудные. Петр просил Григория продать ему хоть десять десятин — по справедливой цене. Просил, умолял, даже плакал.

«Григорий отказал. Сказал: земля дедовская, не продается. А я стояла рядом и молчала. Боже, почему я молчала?»

Петр Зыков не сдавался. Приходил снова и снова. Предлагал последнее, что у него было. А потом — случилось страшное.

«20 августа 1897 года. Петр пришел вчера вечером. Пьяный, с ружьем. Кричал, что Григорий хочет его смерти. Что из-за нас его дети голодать будут. Григорий вышел к нему. Они поругались. А потом... Господи, прости меня... Григорий ударил Петра поленом. Один раз. Сильно. Петр упал и больше не встал».

Мария зажала рот рукой.

Убийство.

«Мы похоронили его в лесу, у старого дуба. Никому не сказали. Григорий подкупил урядника — сказали, что Петр в город уехал. А его жену с тремя детьми выгнали из дома. Земля отошла нам. Все сто десять десятин теперь наши».

Следующие страницы описывали, как Елена сходила с ума от угрызений совести. Как по ночам ей снился Петр Зыков — с проломленной головой, залитый кровью. Как она слышала детский плач в пустом доме.

«Григорий велел мне молчать. Сказал: «Что сделано, то сделано. Бога бойся, а людям — ни слова». И я молчала. Молчала, пока не родила первого ребенка».

Мария нашла запись от октября 1898 года:

«Родился сын Иван. Здоровый, крепкий мальчик. Но когда священник окрестил его, ребенок не переставал плакать. Три часа кричал, пока не охрип. А священник посмотрел на меня и сказал: «Грех на вас лежит, Елена. Большой грех. И дети за него ответят». Я хотела все рассказать, но Григорий вывел меня из церкви. И снова велел молчать».

Дальше записи становились отрывочными, хаотичными. Елена описывала, как Иван рос болезненным ребенком. Как умер в пять лет от простуды, хотя другие дети в деревне такое переносили легко.

«Это началось. Я знаю. Расплата началась».

У Елены родилось еще четверо детей. Трое умерли в младенчестве. Выжила только дочь Мария — бабушка нынешней Марии.

«Григорий не верит в проклятие. Говорит — просто невезение. Но я вижу. Вижу, как каждое поколение несет этот груз. Как смерть ходит по нашему роду, собирая свою дань».

Последняя запись в дневнике датирована 1920 годом:

*«Григорий умер. Сердце не выдержало. Ему было сорок пять лет. Точно столько же было Петру Зыкову, когда его убили. Совпадение? Я больше не верю в совпадения. Я знаю — это проклятие. За убийство. За молчание. За украденную землю. И оно не остановится. Семь поколений, сказала мне старая Устинья. Семь поколений будут расплачиваться за наш грех. Прости меня, Господи. Простите меня, мои дети, внуки, правнуки... Простите».

Мария закрыла дневник. Руки тряслись так, что тетрадь чуть не выпала.

1897 год. Прабабушка и прадедушка — это первое поколение. Значит, дальше...

Она быстро посчитала в уме. Семь поколений — это примерно сто двадцать семь лет. Как раз до 2024 года.

До сегодняшнего дня.

Грех, который все изменил

Мария спустилась вниз, нашла старую масляную лампу — электричества в доме давно не было — и зажгла ее. Желтый свет заплескал по стенам, отбрасывая длинные тени.

Она снова открыла семейный альбом. Теперь, зная правду, начала изучать его по-новому.

Первое поколение — Елена и Григорий. Григорий умер в сорок пять. Елена дожила до шестидесяти, но последние годы, судя по записям в дневнике, была почти безумна.

Второе поколение — их дочь Мария, в честь которой называли нынешнюю героиню. Вышла замуж за Петра Соколова, родила троих детей. Один умер в младенчестве. Другой погиб на войне в двадцать лет. Третья — Анна, бабушка Марии — выжила.

Мария нашла фотографию своей прабабки. Худая женщина с усталым лицом и пустым взглядом. На обороте кто-то надписал: «Мария Григорьевна. 1878-1935. Умерла от разрыва сердца».

Ей было пятьдесят семь лет.

Третье поколение — бабушка Анна. Мария хорошо ее помнила: сильная, волевая женщина, которая держала всю семью железной рукой. Вырастила четверых детей одна — муж погиб на фронте.

Четвертое поколение — мама Марии, Елена. Назвали в честь той самой прабабушки-убийцы.

Мария остановилась. Значит, она сама — пятое поколение. А ее дети будут шестым.

Еще два поколения до конца проклятия.

Если оно вообще закончится.

Она вспомнила слова прабабушки Елены: «Семь поколений будут расплачиваться».

Семь. Не шесть, не восемь.

Мария лихорадочно начала считать дальше. Ее дети — шестое поколение. Ее внуки — седьмое.

А дальше должно прекратиться.

Но сколько людей еще пострадает за эти два поколения?

Она вспомнила брата Мишу. Веселого, доброго парня, который никогда не сделал ничего плохого. Умер в двадцать восемь лет от внезапной остановки сердца.

Племянницу Соню — дочь сестры. Десять лет, больна непонятной болезнью, которую врачи не могут диагностировать. Слабеет с каждым месяцем.

Дядю Петра — брата мамы. Ему сорок четыре года. Скоро сорок пять — тот самый возраст, в котором умер прадедушка Григорий.

Мария схватила телефон. Позвонила дяде Петру.

Длинные гудки. Наконец ответили.

— Алло? — голос дяди был хриплым, усталым.

— Дядя Петя, это Маша. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. А что?

— Правда?

Пауза.

— Маш, ты зачем звонишь? Поздно уже.

— Дядя Петя, ответь честно. У тебя проблемы со здоровьем?

Еще одна пауза, совсем долгая.

— Откуда ты знаешь?

У Марии екнуло сердце.

— Что с тобой?

— Сердце. Врачи нашли... какую-то патологию. Говорят, странная. Редкая. Может в любой момент... — он не договорил.

— Когда нашли?

— Три недели назад.

Мария закрыла глаза. Дяде Петру через два месяца исполнится сорок пять.

— Дядя Петя, приезжай в Ковылино. Прямо сейчас.

— Что? Маша, ты о чем?

— Приезжай. Я объясню. Это важно. Это про нашу семью. Про то, почему все умирают. Тишина была такой тяжелой, что Мария слышала собственное сердцебиение.

— Ты... ты узнала? — прошептал дядя.

— Что узнала?

— Про проклятие.

Мария замерла.

— Ты знал?

— Бабушка Анна рассказала мне перед смертью. Сказала, чтобы я был готов. Что все мужчины в нашей семье не доживают до пятидесяти. И что я тоже...

Он сорвался на полусшепот.

— Маш, я боюсь. Я так боюсь умереть.

Слезы потекли по лицу Марии.

— Не умрешь. Слышишь? Я найду способ. Я разберусь, как это остановить.

— Нельзя остановить, — голос дяди был безнадежным. — Бабушка говорила — нельзя.

Семь поколений. Мы в четвертом. Еще три поколения людей будут страдать.

— Мы в пятом, — прошептала Мария. — Я пятая. Значит, осталось два.

— Тем хуже. Значит, твои дети...

— У меня нет детей! — выкрикнула Мария. — И не будет! Понимаешь? Я не рожу, пока не сниму это проклятие!

Тишина.

— Маш, — дядя Петя заплакал. — Маш, как же так получилось? Почему мы? За что?

Мария смотрела на дневник прабабушки Елены.

— За убийство, — сказала она тихо. — За ложь. За украденную жизнь.

Цепочка событий

Мария не спала всю ночь. Она сидела за старым столом в гостиной и составляла список — подробную родословную своей семьи с указанием всех смертей, болезней, несчастий.

К утру список занял пять листов.

Первое поколение — убийство и безумие.

Второе поколение — трое детей из четверых умерли до двадцати лет.

Третье поколение — бабушка Анна потеряла мужа на войне в тридцать лет. Из четверых ее детей один умер в младенчестве, второй погиб в автокатастрофе в двадцать пять лет.

Четвертое поколение — мамин старший брат Иван умер в сорок три года от рака. Сестра Вера бесплодна. Брат Петр — сердечная патология в сорок четыре года.

Пятое поколение — брат Марии Миша умер в двадцать восемь. Племянница Соня больна неизлечимой болезнью.

И это только прямые потомки. А сколько было выкидышей у женщин в семье? Сколько детей родилось мертвыми? Сколько несчастных случаев, болезней, ранних смертей по боковым ветвям?

Мария подсчитала. За сто двадцать семь лет семья потеряла минимум тридцать человек раньше времени.

Тридцать жизней.

Она посмотрела на фотографию Петра Зыкова — ту, что нашла в дневнике прабабушки. Мужик лет сорока, с усталым добрым лицом и мозолистыми руками.

Одна жизнь против тридцати.

Справедливо ли это?

Мария вспомнила, как в институте изучала теорию кармы. Преподаватель философии говорил: «Грех одного человека может отравить целый род. Потому что энергия поступка не исчезает — она передается дальше, по цепочке».

Тогда Мария считала это чепухой. Красивой метафорой, не больше.

Теперь она держала в руках доказательство того, что это правда.

Прадедушка Григорий убил человека. Прабабушка Елена промолчала. Они украли землю, обрекли на нищету вдову с тремя детьми.

И эта несправедливость, эта боль — она не растворилась в воздухе. Она впиталась в род, как яд. И теперь отравляет каждое поколение.

Мария вспомнила слова тети Клавды: «Дом этот живой. Память в нем осталась».

Она посмотрела на стены. На потемневшие от времени бревна. На фотографии в рамках. — Что мне делать? — спросила она вслух. — Как разорвать эту цепь?

Ответом был скрип половиц наверху.

Мария встала и медленно поднялась по лестнице. Прошла в чулан. Сундук, на котором лежал дневник, теперь был приоткрыт.

А внутри, на самом дне, лежал еще один предмет — старая икона.

Мария достала ее. Богородица с младенцем, потемневшая от времени. На обороте тонким почерком было нацарапано:

«Прости нас. Помоги нашим детям. Елена. 1920 год».

Прабабушка молилась. Просила прощения. Но проклятие не отступило.

Значит, молитвы недостаточно.

Что же тогда нужно?

Невидимые нити между поколениями

Утром Мария поехала в районную библиотеку. Старое здание на центральной площади, где хранились архивы с конца девятнадцатого века.

Библиотекарша, женщина лет шестидесяти в толстых очках, посмотрела на нее с любопытством.

— Вы что-то конкретное ищите?

— Да. Материалы по Ковылино. 1897 год. Земельные споры, судебные дела, любые упоминания семей Ковалевых и Зыковых.

Женщина нахмурилась.

— Ковалевых? Вы из той семьи?

Мария кивнула.

— Я правнучка Елены Григорьевны.

Библиотекарша долго смотрела на нее, потом тяжело вздохнула.

— Проходите в архив. Третий стеллаж, нижняя полка. Там папка с земельными документами.

Мария провела в архиве шесть часов. Читала пожелтевшие бумаги, протоколы, свидетельства о собственности.

И нашла документ, от которого похолодела кровь.

Заявление вдовы Петра Зыкова от сентября 1897 года. Она просила власти расследовать исчезновение мужа. Подозревала Григория Ковалева в убийстве.

Расследование провели формально. Опросили двух свидетелей — оба были друзьями Григория. Оба сказали, что Петр уехал в город. Дело закрыли.

А через год вдову Зыкову с детьми выселили из дома. Земля отошла Ковалевым.

Дальше Мария нашла записи о судьбе детей Петра Зыкова.

Старший сын, Иван, умер в двадцать лет от туберкулеза.

Средний, Павел, пропал без вести в 1905 году — ему было восемнадцать.

Младшая дочь, Дарья, вышла замуж, родила пятерых детей. Четверо умерли в младенчестве.

И тут Мария заметила страшную вещь.

Судьба детей Зыковых зеркально отражала судьбу детей Ковалевых.

Ранние смерти мужчин. Болезни детей. Несчастные случаи.

Словно два рода были связаны невидимой нитью — и оба страдали одинаково.

Мария вернулась к библиотекарше.

— Скажите, в Ковылино еще есть потомки Зыковых?

Женщина кивнула.

— Одна осталась. Вера Зыкова. Живет на окраине деревни, в маленьком домике у леса.

— Можно адрес?

Библиотекарша записала на бумажке и протянула.

— Только вы осторожнее. Вера — женщина странная. Говорят, колдунья.

Мария усмехнулась.

— Не верю в колдовство.

— А в проклятия верите?

Мария замерла.

— Откуда вы знаете?

— В деревне все все знают, — женщина грустно улыбнулась. — Ковалевы и Зыковы. Два проклятых рода. Уже сто лет люди об этом шепчутся. Идите к Вере. Если кто и может помочь — так это она.

Мария вышла из библиотеки с колотящимся сердцем.

Два проклятых рода.

Значит, она не одна. Значит, есть еще люди, которые страдают из-за того давнего греха.

И, может быть, вместе они найдут способ разорвать эту проклятую цепь.

Домик Веры Зыковой стоял на краю леса, почти скрытый зарослями орешника. Крохотный, перекосившийся, с дымом из трубы.

Мария постучала.

Дверь открылась сразу — словно ее ждали.

На пороге стояла старуха лет восьмидесяти, с острым взглядом черных глаз.

— Ковалева? — спросила она.

— Да. Меня зовут Мария.

— Знаю. Заходи.

Внутри пахло травами и дымом. На столе лежали пучки сушеных растений, связанные красной нитью. На стенах — иконы вперемешку со странными рисунками.

— Чай будешь? — Вера уже наливала из чугунка в две кружки.

— Спасибо.

Они сели за стол. Вера долго смотрела на Марию, потом кивнула.

— Похожа на нее. На Елену. Те же глаза.

— Вы знали мою прабабушку?

— Нет. Но бабушка моя знала. Рассказывала. Говорила, что Елена сходила с ума от вины. Что по ночам плакала и молилась. Что просила прощения.

— У нее его не было, — тихо сказала Мария. — Ваш прадед умер из-за моего.

Вера усмехнулась.

— И что теперь? Ты пришла извиняться? Спустя сто двадцать семь лет?

— Я пришла узнать, как снять проклятие. Как остановить это. Люди продолжают умирать. С обеих сторон.

— Верно, — Вера отхлебнула чаю. — Зыковы мрут так же, как Ковалевы. Справедливо, в общем-то.

— Справедливо?! — Мария не сдержалась. — Какая справедливость?! Невинные дети умирают!

— А мой прадед Петр виноват был? — глаза Веры сверкнули. — Он просил землю купить. Честно. За деньги. А его убили. Как собаку. И детей его выгнали на улицу. Вот это справедливо?

Мария опустила голову.

— Нет. Это чудовищно. Мне... мне так жаль.

Тишина.

— Прости, — прошептала Мария. — От лица моей семьи. От лица прабабушки и прадедушки. Прости нас. За все.

Вера долго молчала. Потом встала, подошла к окну.

— Семь поколений, — сказала она тихо. — Старуха Устинья тогда прокляла обе семьи. Она была бабкой-знахаркой. Сильной. Когда вдова Зыкова пришла к ней с детьми, Устинья прокляла Ковалевых. Сказала — семь поколений будут платить. Кровь за кровь. Слезы за слезы.

— Но ваша семья тоже страдает!

— Потому что вдова Зыкова хотела мести. И месть вернулась к ней же. Устинья предупреждала — проклятие ударит по обоим родам. Но вдова не слушала. Хотела, чтобы Ковалевы мучились. Вот и мучаются. Вместе с нами.

Мария чувствовала, как по щекам текут слезы.

— Как это остановить? Должен же быть способ!

Вера повернулась к ней.

— Есть один. Единственный. Прощение.

— Я же прошу прощения! Прямо сейчас!

— Не ты, — Вера покачала головой. — Все. Обе семьи. Все живые потомки. Собраться вместе. В том месте, где пролилась кровь. Попросить прощения друг у друга и у мертвых. И простить. По-настоящему. Без злости, без обиды. Только тогда проклятие отступит.

Мария вытерла слезы.

— Я соберу свою семью. Вы соберете свою?

Вера долго смотрела на нее.

— У меня семьи почти не осталось. Три племянника. Один в Москве, двое в Питере. Но попробую.

— Где то место? Где пролилась кровь?

— В лесу. У старого дуба. Там твой прадед похоронил моего.

Мария кивнула.

— Тогда там и встретимся. Скажите дату.

Вера задумалась.

— Послезавтра. Седьмое сентября. В этот день убили Петра Зыкова. Пусть в этот же день закончится проклятие.

Они пожали друг другу руки — две женщины из двух проклятых родов.

И впервые за сто двадцать семь лет между Ковалевыми и Зыковыми появилась надежда.

ГЛАВА 3: Дети расплаты

Маленькая Соня и ее вопросы

Мария вернулась в Москву поздним вечером. Голова раскалывалась от усталости и обилия информации. Антон встретил ее на пороге с тревожным лицом.

— Маш, что случилось? Ты три дня не отвечала на звонки.

— Прости, — она обняла его и прижалась лицом к плечу. — Там не было связи. И потом... Я столько всего узнала.

Они сели на кухне. Антон заварил крепкий чай. Мария рассказывала — медленно, запинаясь, иногда срываясь на слезы. Про дневник прабабушки Елены. Про убийство. Про проклятие двух родов. Про встречу с Верой Зыковой.

Антон слушал молча. Когда она закончила, долго смотрел в окно.

— И ты веришь во все это? — спросил он наконец.

— А у меня есть выбор? Брат умер в двадцать восемь. Дядя Петя при смерти. Соня... — голос Марии дрогнул. — Соня угасает на глазах. Врачи разводят руками. Что это, если не проклятие?

— Может, совпадения. Генетика. Наследственность.

— Антон, я видела списки. Тридцать человек за сто лет! Все умерли рано. Все от странных болезней или несчастных случаев. Какая тут генетика?

Он взял ее за руку.

— Хорошо. Допустим, это правда. Что ты собираешься делать?

— Собрать семью. Попросить прощения у Зыковых. Снять это проклятие раз и навсегда.

— А если не получится?

Мария посмотрела ему в глаза.

— Тогда мы никогда не заведем детей. Понимаешь? Я не рожу ребенка, обреченного на страдания. Не стану той, кто передаст эту муку дальше.

Антон крепко сжал ее пальцы.

— Тогда сделаем все возможное. Я с тобой.

На следующее утро Мария поехала к сестре Лене. Она жила на другом конце Москвы, в панельной девятиэтажке. Двухкомнатная квартира, заставленная лекарствами и медицинскими приборами.

На диване, укрытая пледом, лежала Соня.

Десять лет. Худенькая, бледная, с огромными темными глазами. Когда-то подвижная и веселая девчонка. Теперь — тень самой себя.

— Тетя Маша! — Соня попыталась приподняться, но сил не хватило.

Мария присела рядом, обняла племянницу. Под руками чувствовались острые лопатки. Соня похудела еще сильнее, чем месяц назад.

— Привет, солнышко. Как ты?

— Нормально, — Соня улыбнулась, но улыбка получилась кривой, натянутой. — Только устаю быстро. И голова кружится.

Лена вышла из кухни с чашками. Села в кресло напротив. Лицо сестры осунулось, под глазами — темные круги. Она явно не спала ночами.

— Врачи опять ничего не нашли, — сказала Лена тихо, чтобы Соня не слышала. — Делали все анализы. Два раза. Все показатели то в норме, то чуть-чуть отклонены. Но ничего конкретного. Просто ребенок слабеет.

— Леночка, мне нужно с тобой поговорить. Наедине.

Они вышли на балкон. Лена закурила — она бросала три раза, но после болезни дочери снова начала.

— Говори.

— Это проклятие, — Мария выложила все прямо. — Родовое. На нашей семье. И на Соне тоже.

Лена затаилась, выдохнула дым.

— Знаю.

Мария опешила.

— Что? Откуда?

— Мама рассказала. Два года назад, когда Соня первый раз попала в больницу. Сказала, что в нашем роду все дети болеют. Что это какой-то семейный рок.

— И ты молчала?!

— А что было говорить? — Лена зло швырнула сигарету. — Ты бы что сделала? Пошла к священнику? К бабке-знахарке? Я все это прошла! Ездила, молилась, святой водой поила. Не помогло!

— Потому что надо не так! — Мария схватила сестру за плечи. — Слушай меня. Я знаю, как снять проклятие. Я нашла источник. Но для этого нужна вся семья. Все живые потомки.

— И что мы должны сделать?

— Попросить прощения. У другого рода. Искренне. От души. И простить сами. Тогда проклятие отпустит.

Лена смотрела на нее недоверчиво.

— И ты правда веришь, что это поможет?

— У нас нет другого выхода, Лен. Посмотри на дочь. Сколько ей осталось, если так пойдет дальше? Полгода? Год?

Лена закрыла лицо руками. Плечи затряслись.

— Она спрашивает меня каждый день, — прошептала сестра. — Мама, почему я болею? Мама, я умру? И я не знаю, что ответить. Врут ли врачи или правда не понимают. Но я вижу — дочь уходит. Каждый день уходит понемногу.

Мария обняла сестру.

— Мы спасем ее. Послезавтра едем в Ковылино. Всей семьей. Договорились?

Лена кивнула, не поднимая головы.

Они вернулись в комнату. Соня лежала с закрытыми глазами, но когда они вошли, открыла их.

— Тетя Маша, а почему я болею? — спросила девочка тихо.

Мария села на край дивана. Взяла худенькую ручку Сони в свои ладони.

— Понимаешь, солнышко, иногда в семьях случаются плохие вещи. Очень давно. И эта плохость передается детям, внукам, правнукам. Как наследство.

— Как болезнь?

— Не совсем как болезнь. Скорее как... тяжелый груз. Который несут все вместе.

Соня задумалась. В ее темных глазах мелькнуло недетское понимание.

— А мы виноваты в этом?

— Нет, детка. Ты ни в чем не виновата.

— Тогда почему я должна нести этот груз?

Мария не нашла, что ответить. Соня смотрела на нее — и во взгляде десятилетней девочки читался вопрос, на который нет справедливого ответа.

Почему страдают невинные?

Почему болеют те, кто ничего не сделал

Вечером Мария созвонилась с мамой. Разговор был тяжелым.

— Я не поеду, — мама говорила жестко, отрывисто. — И тебе не советую.

— Мам, это единственный шанс!

— Маша, ты не понимаешь. Я видела, что происходит с теми, кто пытается это изменить.

— Кто пытался?

Пауза.

— Твоя бабушка Анна. В девяносто первом году. Она ездила в Ковылино, искала Зыковых. Хотела попросить прощения. Нашла одну старушку из их рода. Та плюнула ей в лицо. Сказала: пусть все Ковалевы сгинут. И через неделю твой дед умер. От сердечного приступа.

Мария почувствовала холод в груди.

— Но это же совпадение...

— Нет! — мама почти закричала. — Не совпадение! Бабушка пыталась разорвать проклятие одна. Без семьи. Без искреннего раскаяния. И проклятие ударило еще сильнее. Ты думаешь, дед случайно умер в сорок пять? Точно в тот же возраст, что и прадед Григорий?

— Тогда тем более нужно сделать все правильно! Вся семья. Все потомки. С двух сторон.

— Маша, — мама говорила теперь тише, устало. — Я боюсь. Понимаешь? Боюсь, что станет хуже. Что мы всех потеряем разом.

— А сейчас разве не теряем? Миша умер. Соня умирает. Дядя Петя на грани. Сколько еще?

Молчание.

— Подумай о внучке, мам. О Соне. Она же ребенок. Ей десять лет. Она ничего не сделала. За что она должна расплачиваться?

Она услышала, как мама всхлипнула.

— За нас. За наши грехи. За грехи наших предков.

— Тогда давай остановим это! Раз и навсегда. Ради Сони. Ради всех детей, которые еще родятся.

Долгая пауза. Наконец мама вздохнула.

— Хорошо. Я поговорю с Петром. С Верой. Соберем всех, кто согласится.

— Спасибо, мам.

— Только если ничего не выйдет, — голос мамы стал жестким. — Обещай мне, что никогда не родишь детей. Не передавай это дальше.

— Обещаю.

Мария положила трубку и уткнулась лицом в ладони. Антон обнял ее со спины.

— Все получится, — прошептал он.

— А если нет?

— Тогда усыновим. Или проживем вдвоем. Главное — вместе.

Она повернулась к нему.

— Ты правда готов на жизнь без детей?

Антон посмотрел ей в глаза.

— Я готов на жизнь с тобой. В любом варианте.

На следующий день Мария поехала к дяде Петру. Он жил один, в однокомнатной квартире на окраине города. После развода три года назад так и не устроил личную жизнь.

Открыл дверь в домашних штанах и застиранной футболке. Лицо осунулось, глаза запали. Он постарел лет на десять за последний месяц.

— Заходи, — сказал он просто.

Квартира была аккуратной, но какой-то безжизненной. Минимум вещей, минимум уюта. Как временное пристанище, а не дом.

— Кофе?

— Давай.

Они сидели на кухне. Дядя Петя курил у открытого окна — раньше он не курил.

— Врачи сказали, что осталось два-три месяца, — произнес он спокойно, глядя на дым. — Может, чуть больше, если повезет. Сердце может остановиться в любой момент. Как бомба замедленного действия.

— Дядь Петь...

— Знаешь, что самое страшное? — он повернулся к ней. — Не смерть. К ней я уже почти привык. Страшно другое. Что после меня никого не останется. Дети у меня не получились. Жена ушла. Родители умерли. Останется пустая квартира и никаких следов, что я вообще жил.

— Ты еще поживешь, — Мария взяла его за руку. — Мы снимем проклятие. Ты увидишь пятьдесят лет. И шестьдесят. И станешь дедом.

Он грустно усмехнулся.

— Чьим дедом? У меня детей нет.

— Моих будешь. Когда я рожу.

Дядя Петя посмотрел на нее внимательно.

— Ты же обещала маме не рожать, пока не снимешь проклятие.

— Откуда ты знаешь?

— Она мне звонила. Плакала. Говорила, что ты рискуешь. Что может стать хуже.

— И что ты ей ответил?

Дядя Петя затушил сигарету.

— Что я поеду с вами. Что если есть хоть один шанс из ста — надо попробовать. Потому что так жить больше нельзя.

— Ты не боишься?

— Боюсь. Но еще больше боюсь умереть вот так — ни за что. Просто потому что когда-то кто-то кого-то убил. Хочу хоть попытаться изменить судьбу.

Мария крепко обняла дядю.

— Мы изменим. Обещаю.

Невинность не защищает

Вечером того же дня Мария зашла в детский хоспис на севере Москвы. Там лежал ее троюродный брат Максим — семнадцать лет, последняя стадия лейкемии.

Она узнала о нем случайно, когда составляла родословную. Сын двоюродной сестры мамы, живет в Подмоскowie. Заболел два года назад. Лечение не помогло.

Максим лежал в палате на шесть человек. Худой, бледный, с большими серыми глазами. Волос почти не осталось после химиотерапии.

— Ты кто? — спросил он, когда Мария вошла.

— Я Маша. Мы родственники. Дальние, но все же.

Он усмехнулся.

— Значит, тоже из проклятых?

Мария замерла.

— Ты знаешь?

— Моя мама рассказала. Когда врачи сказали, что я не выкарабкаюсь. Села рядом вот так и выложила всю правду. Про убийство прапрадеда. Про проклятие. Про то, что все молодые в нашей семье долго не живут.

— И что ты почувствовал?

Максим посмотрел в окно.

— Злость. Знаешь, такую дикую, слепую злость. Я же ничего не сделал! Я вообще нормальный пацан был. В футбол играл, с девчонками гулял, хорошо учился. И тут — бац — раковые клетки. Почему я? За что?

— Ты злишься на прадеда?

— На всех злюсь. На прадеда, который убил. На прабабку, которая промолчала. На родителей, которые родили меня в эту проклятую семью. На Бога, который допустил такое.

Он повернулся к ней. Глаза блеснули лихорадочно.

— Ты знаешь, каково это? Лежать и понимать, что умираешь ни за что. Просто потому что кто-то когда-то совершил грех. А ты расплачиваешься. Ты, невинный семнадцатилетний пацан.

Мария чувствовала, как слезы текут по щекам.

— Макс, послезавтра мы попытаемся снять проклятие. Вся семья соберется. И потомки убитого тоже. Мы попросим прощения.

— Это мне уже не поможет, — он сказал это спокойно, без эмоций.

— Но поможет другим! Детям, которые родятся после. Твоим братьям, сестрам, племянникам. Они будут жить!

Максим долго молчал.

— Знаешь, чего я хочу больше всего? — спросил он наконец.

— Чего?

— Чтобы прадед Григорий вот так же помучился. Как я. Лежал с трубками, задыхался, смотрел, как медсестры качают головой. Чтобы он понял, что значит — умирать молодым. За чужой грех.

— Он умер в сорок пять. Тоже не дожил до старости.

— Это не то, — Максим сжал кулаки. — Сорок пять — это уже жизнь прожита. А мне семнадцать! Я девушку первую только год назад нашел. Мы встречались четыре месяца — и я заболел. Она один раз навестила меня тут и больше не пришла. Знаешь, как это больно?

Мария взяла его руку.

— Прости его, Макс. Прадеда Григория. Прости, чтобы не уйти со злостью в сердце.

— Зачем?

— Чтобы не стать таким же, как он. Чтобы не передать эту злость дальше, в другой мир. Говорят, непрощенная обида возвращается к роду снова и снова.

Максим смотрел на нее долго. Потом медленно кивнул.

— Я подумаю. Но не обещаю.

Мария провела с ним еще час. Слушала его рассказы про жизнь до болезни. Про футбол, про друзей, про ту самую девушку Лену, которая больше не пришла.

Когда она уходила, Максим окликнул ее:

— Маша!

— Да?

— Если получится снять проклятие... Скажи моей маме, что я ради этого умирал. Чтобы другие жили. Пусть так думает. Ей будет легче.

Мария кивнула, не в силах говорить.

Вышла из хосписа и расплакалась прямо на улице. Прохожие обходили ее стороной, но она не замечала.

Семнадцать лет. Всего семнадцать.

И умирает за грех столетней давности.

Груз чужой вины

Ночью Мария не спала. Лежала в темноте и думала о детях своей семьи. О Соне. О Максиме. О своем брате Мише, который умер пять лет назад.

Она вспомнила, как Миша в последний раз приезжал к ним на дачу. Ему было двадцать семь, он только защитил диссертацию, планировал жениться.

Они сидели на веранде поздним вечером, пили чай. Миша молчал, задумчиво смотрел на звезды.

— О чем думаешь? — спросила тогда Мария.

— О том, что у меня странное ощущение, — он повернулся к ней. — Будто времени мало. Будто нужно все успеть прямо сейчас.

— Ты что, умирать собрался?

Миша засмеялся.

— Нет, конечно. Просто... Не знаю. Все мужчины в нашей семье рано умирают, заметила? Дед в сорок пять. Прадед тоже. Двоюродный дядя в сорок три. Может, и мне не долго осталось.

— Не говори глупостей!

— Я не глупости. Я просто чувствую. Мам нам никогда не рассказывала про семейное проклятие?

Тогда Мария отмахнулась. Сказала, что это суеверие. Что Миша проживет до ста лет.

Через два месяца его не стало.

Сердечный приступ ночью. Неожиданный, стремительный. Приехала скорая — уже ничего нельзя было сделать.

Мария тогда не понимала. Откуда у здорового двадцативосьмилетнего парня такая проблема с сердцем? Врачи разводили руками. Говорили про врожденную патологию, которая никак не проявлялась.

Теперь она знала правду.

Не патология. Проклятие.

Мария тихо встала, прошла на кухню. Достала из шкафа коробку с семейными фотографиями. Просматривала их одну за другой.

Вот Миша в пять лет — веселый мальчишка с вечно разбитыми коленками. Вот в школе — отличник, спортсмен. Вот выпускной в университете — красивый молодой мужчина с ясными глазами и широкой улыбкой.

А вот последнее фото, за месяц до смерти. И улыбка уже не такая широкая. И глаза какие-то усталые, потемневшие.

Будто он знал.

Мария вспомнила разговор с мамой после похорон. Они сидели на кладбище, когда все разошлись. Мама смотрела на свежую могилу и шептала:

— Я виновата. Я его родила. Я знала про проклятие и все равно родила.

— Мам, перестань...

— Нет! — мама схватила ее за руку. — Ты не понимаешь! Я хотела прервать эту цепь. Решила не рожать. Но твой отец настаивал. И бабушка Анна давила. Говорила: надо продолжать род, несмотря ни на что. И я согласилась. А теперь мой сын лежит в земле в двадцать восемь лет!

Тогда Мария не поняла. Думала, что мама говорит от горя, от шока.

Теперь понимала каждое слово.

Она посмотрела на свой телефон. На обои — их с Антоном свадебное фото. Молодые, счастливые, с планами на будущее.

Антон хотел троих детей. Мечтал о большой семье, о доме за городом, о воскресных обедах за длинным столом.

А она теперь не может ему этого дать. Не имеет права.

— Не спится? — в дверях кухни появился Антон, заспанный, взъерошенный.

— Думаю.

Он сел рядом, обнял за плечи.

— О детях?

Мария кивнула.

— Слушай, — Антон повернул ее лицом к себе. — Я не шучу. Мне не нужны дети, если это будет стоять тебе покоя. Или здоровья. Или жизни. Понимаешь?

— Но ты же мечтал...

— Я мечтал о семье с тобой. А она у нас уже есть. Вдвоем. И если так будет всегда — отлично.

— А если получится снять проклятие?

Антон улыбнулся.

— Тогда заведем хоть пятерых. Но только если ты захочешь. Без давления, без обязательств.

Мария прижалась к нему.

— Я боюсь.

— Чего?

— Что ничего не выйдет. Что мы приедем в Ковылино, соберемся все вместе, попросим прощения — а проклятие не отпустит. И тогда придется жить с этим всю жизнь.

— Или выйдет, — тихо сказал Антон. — И тогда все изменится. Для всех.

Они сидели на кухне до рассвета. Смотрели, как за окном светлеет небо. Как город просыпается, начинается новый день.

А послезавтра решится их судьба.

Судьба всего рода.

ГЛАВА 4: Семь ступеней вниз

Семейное древо со сломанными ветвями

Утром в день отъезда Мария разложила на столе большой лист ватмана. Всю ночь она рисовала генеалогическое древо своей семьи — подробное, с датами рождения и смерти, с пометками о причинах.

Антон наблюдал за ней, попивая кофе.

— Показать? — спросила Мария.

Он кивнул.

Она развернула лист. Древо начиналось сверху — от прабабушки Елены и прадедушки Григория. От них шла линия вниз, разветвляясь на детей, внуков, правнуков.

И почти на каждой ветке стоял красный крестик.

— Боже мой, — прошептал Антон. — Их так много.

— Тридцать два человека, — Мария провела пальцем по линиям. — За сто двадцать семь лет. Тридцать два преждевременных ухода.

Она начала показывать по порядку, поколение за поколением.

— Первое поколение. Елена и Григорий. У них было пятеро детей. Трое умерли в младенчестве — дифтерия, скарлатина, воспаление легких. Один сын, Иван, умер в пять лет. Выжила только дочь Мария.

— Твоя прабабушка.

— Да. Второе поколение. Мария Григорьевна родила четверых. Двое умерли до года. Сын Петр погиб на фронте в двадцать лет. И снова выжила только одна — дочь Анна, моя бабушка.

Антон нахмурился.

— И так каждое поколение?

— Почти. Смотри дальше. Третье поколение — бабушка Анна. У нее четверо детей. Один умер в младенчестве, второй — мой двоюродный дядя Иван — погиб в автокатастрофе в двадцать пять лет. Остались двое: моя мама Елена и ее брат Петр.

— Который сейчас при смерти.

— Он самый. Четвертое поколение. У мамы было трое детей: я, брат Миша и сестра Лена. Миша умер в двадцать восемь. У дяди Пети детей не было — жена не могла зачать. У тети Веры тоже бесплодие.

Мария перешла к нижней части древа.

— Пятое поколение. Я. Лена. Наши троюродные братья и сестры по маминной линии. Всего двенадцать человек. Из них живы девять. Трое умерли: Миша, двоюродный брат Саша в тридцать два года от рака, троюродная сестра Оля в родах в двадцать шесть лет.

— А дети?

— Шестое поколение. Восемь детей по всем веткам. Из них двое умерли в младенчестве. Один — мой племянник от Лены, родился мертвым три года назад. Вторая — двоюродная племянница, умерла от менингита в два года. Остальные пока живы, но...

Она ткнула пальцем в имя Сони.

— Но болеют. Соня — самая тяжелая. Еще у двоих астма, непонятного происхождения. У одного эпилепсия. У остальных пока ничего не проявилось, но они маленькие. Старшему шесть лет.

Антон обвел взглядом весь лист. Красные крестики горели на нем, как капли крови.

— Почему так много детей умирает?

— Потому что проклятие направлено на весь род. На его продолжение. Дети — самое уязвимое звено. Через них проще всего прервать ветку.

— Это... логично? С точки зрения проклятия?

Мария горько усмехнулась.

— Если думать категориями мести — да. Убей детей — род прекратится. Старуха Устинья хотела, чтобы Ковалевы вымерли. Вот проклятие и работает.

— Но Зыковы тоже страдают.

— Потому что вдова Зыкова тоже призывала проклятие. На обе семьи. Получился замкнутый круг.

Антон подошел ближе, изучая схему.

— А вот это что? — он указал на отдельную ветку, отмеченную синим цветом.

— Это те, кто выжил вопреки всему, — объяснила Мария. — Смотри: в каждом поколении выживает один-два человека из прямой линии. Будто проклятие специально оставляет кого-то, чтобы род продолжился. Чтобы было кому дальше страдать.

— Жестоко.

— Проклятия и бывают жестокими. Особенно если они основаны на несправедливости.

Мария свернула лист.

— Я покажу это всем. Когда соберемся в Ковылино. Пусть увидят масштаб трагедии. Пусть поймут, что мы потеряли. И что можем потерять еще, если не остановим это.

— Ты думаешь, это подействует?

— Должно. Потому что это не абстракция. Это наши братья, сестры, дети, племянники. Это реальные люди, которых больше нет. И которые могли бы жить.

1897-2024: расчет поколений

Днем приехала мама. Она выглядела измученной, постаревшей. Села на диван, не снимая пальто.

— Я собрала всех, кого смогла, — сказала она устало. — Петр поедет. Лена с Соней тоже. Вера — моя сестра — отказалась. Говорит, не верит в это. Но ее дети согласились, двое племянников. Еще четверо двоюродных приедут из области.

— Это сколько всего?

— Человек пятнадцать из нашей ветки. Плюс ты и Антон.

— А Зыковы?

— Звонила Вере Зыковой. Она сказала, что соберет пятерых. Это все, кто остался из их рода в живых.

Мария кивнула.

— Значит, около двадцати человек. Немного.

— Маша, — мама посмотрела на нее тяжело. — А если это не поможет? Если мы приедем, попросим прощения, а ничего не изменится?

— Тогда хотя бы попытаемся. Лучше сделать и жалеть, чем не сделать и всю жизнь думать: а вдруг?

Мама достала из сумки старую тетрадь.

— Я принесла кое-что. Бабушка Анна оставила мне это перед смертью. Велела открыть только если...

— Если что?

— Если ты узнаешь правду и решишь с этим что-то делать.

Мария взяла тетрадь. Открыла первую страницу.

«Дорогая Леночка. Если ты читаешь это, значит, пришло время. Время разорвать цепь. Я много думала, как это сделать. Пыталась сама в девяносто первом году. Не вышло. Теперь

понимаю почему. Делать это нужно всем вместе. Всем родом. И обязательно с Зыковыми. Только вместе можно снять проклятие. Я записала все, что знаю. Все, что мне рассказывала моя мать, а ей — ее мать. Читай и передай дочерям. Пусть они закончат то, что я начала. Бабушка Анна».

Мария быстро пролистала тетрадь. Там были подробные записи о каждом поколении, о всех смертях, о попытках снять проклятие.

— Бабушка пыталась не один раз, — прочитала вслух Мария. — В пятьдесят втором году ездила к священнику. Он отслужил молебен, освятил дом. Не помогло. В шестьдесят седьмом — к знахарке. Та дала какие-то травы, велела окурить дом полынью. Тоже без толку. В девяносто первом — к Зыковым, просить прощения лично. Та старуха прокляла ее еще сильнее.

— Я помню тот год, — мама кивнула. — Бабушка вернулась из Ковылино вся в слезах. Недельку не ела, не спала. Говорила, что все кончено, что теперь будет еще хуже. И правда стало хуже. Дедушка умер в сорок пять, хотя был совершенно здоров. А через год у дяди Ивана авария случилась.

— Почему она думала, что станет хуже?

Мама достала из тетради отдельный листок.

— Вот. Прочти.

Мария взяла листок. Бабушкин дрожащий почерк:

«Вера Зыкова-старшая сказала мне: „За каждую попытку снять проклятие в одиночку — расплата удвоится. Так завещала Устинья-знахарка. Либо все вместе просите прощения, либо не просите вовсе. Половинчатость хуже молчания“. Я не поняла тогда. Думала, можно одной покаяться. Ошиблась. И потеряла мужа. Больше не буду рисковать. Пусть следующее поколение пробует. Если хватит смелости».

Мария отложила листок.

— Значит, бабушка знала правило. Все вместе или никак.

— Да. И теперь мы собираемся все вместе. Но, Маша...

— Что?

— А если и это не сработает? Если мы все приедем, попросим прощения, Зыковы нас простят — а проклятие все равно не отпустит?

Мария задумалась. Потом открыла дневник прабабушки Елены, нашла нужное место.

— Здесь написано: „Семь поколений будут расплачиваться“. Не „могут“, а „будут“. Как приговор. Без вариантов.

— То есть?

— То есть, возможно, проклятие закончится само. После седьмого поколения. Но сколько еще людей умрет за это время? Мы сейчас на пятом поколении. Осталось два. Это еще примерно...

Она быстро подсчитала.

— Лет пятьдесят. Два поколения по двадцать пять лет. За это время родится и вырастет шестое поколение, потом седьмое. Сколько детей умрет в младенчестве? Сколько молодых людей не доживет до тридцати? Десятки. Может, сотни, если считать дальних родственников.

Мама побледнела.

— Сотни?..

— У Григория было три брата, у Елены две сестры. У них у всех были дети. Проклятие распространяется на всю кровную линию, даже на дальних потомков. Я не считала боковые ветви, но если прикинуть...

Она взяла калькулятор.

— Пять поколений. В среднем по три ребенка на семью. Получается около двухсот пятидесяти потомков сейчас живых. Если проклятие продолжится еще два поколения — к седь-

мому будет уже около четырехсот человек. И примерно треть из них умрет раньше срока. Это больше ста жизней.

Тишина в комнате стала гнетущей.

— Ради ста жизней стоит рискнуть, — тихо сказала мама. — Даже если шансов мало.

Мария кивнула.

— Едем завтра утром. Рано. Чтобы к полудню быть на месте.

История каждого колена

Вечером собрались все, кто решил ехать в Ковылино. Мама сняла маленький конференц-зал в библиотеке — нейтральное место, где можно спокойно поговорить.

Пришло шестнадцать человек. Мария смотрела на них и видела в каждом лице отпечаток рода.

Дядя Петр — худой, бледный, с синевой под глазами. Сорок четыре года, а выглядит на шестьдесят.

Сестра Лена с дочкой Соней. Девочку привезли в коляске — сил ходить уже почти не было.

Троюродный брат Андрей, тридцать пять лет. У него недавно обнаружили опухоль мозга. Доброкачественную, но врачи удивляются — откуда у молодого здорового мужчины.

Двоюродная сестра Ирина, сорок лет. Потеряла двоих детей в младенчестве, третьего выносила с огромным трудом. Теперь у сына ДЦП.

И так далее. У каждого своя история. У каждого своя боль.

Мария встала перед ними. Развернула лист с генеалогическим древом, прикрепила к стене.

— Спасибо, что пришли, — начала она. — Я знаю, многие из вас сомневаются. Думают: зачем ехать, зачем рисковать, может, это все суеверие.

Несколько человек кивнули.

— Но посмотрите на это древо. На красные крестики. Каждый — это человек. Наш родственник. Кто-то из вас знал их лично. Кто-то только слышал.

Она начала показывать, называя имена:

— Первое поколение. Елена и Григорий. Из пятерых их детей выжила одна.

— Второе поколение. Мария Григорьевна. Из четверых детей выжила одна.

— Третье поколение. Анна Петровна, наша бабушка. Из четверых детей выжили двое.

— Четвертое поколение. Наши родители. У мамы было трое детей, один умер. У дяди Пети детей нет. У тети Веры — тоже.

Она обвела взглядом зал.

— Пятое поколение. Мы с вами. Нас родилось двадцать три человека. Сейчас в живых пятнадцать. Восемь умерли. Самому младшему было два года.

Голос Марии дрогнул, но она продолжила:

— Шестое поколение. Наши дети. Их родилось двенадцать. В живых восемь. Четверо умерли до трех лет.

Ирина всхлипнула. Андрей обнял ее за плечи.

— И это только прямая линия, — Мария повысила голос. — Если считать всех потомков Григория и Елены, включая боковые ветки, то погибших в полтора раза больше. Сорок восемь человек за сто двадцать семь лет.

Тишина.

— Почему? — спросил Андрей. — Почему так много? Это же не может быть случайно.

— Не случайность, — Мария достала дневник прабабушки Елены. — Это последствие греха. Убийства, совершенного в 1897 году.

Она коротко рассказала историю. Про Петра Зыкова, про землю, про удар поленом. Про молчание, про ложь, про проклятие старухи Устины.

Когда закончила, кто-то из дальних родственников спросил:

— И вы правда верите, что это все из-за проклятия? Может, просто плохая наследственность? Генетика?

— Генетика не объясняет, почему у Зыковых та же картина, — ответила Мария. — Они страдают точно так же. Та же статистика. Те же ранние смерти. Хотя кровного родства с нами нет.

— А может, среда? Экология в Ковылино плохая?

— Большинство из нас в Ковылино никогда не жили, — вмешался дядя Петр. — Я вырос в Москве. Андрей — в Питере. Ирина — в Казани. Но всех нас настигла одна и та же беда.

— Тогда что делать? — спросила Ирина. — Как это остановить?

Мария рассказала про встречу с Верой Зыковой. Про ритуал прощения. Про необходимость собраться всем вместе.

— Завтра мы едем в Ковылино. Все вместе. И там, у старого дуба, где похоронен Петр Зыков, просим прощения у его потомков. И прощаем сами. За все. За каждую каплю крови, за каждую слезу.

— А если не поможет? — голос Андрея был твердым.

— Тогда хотя бы попытаемся. И будем знать, что сделали все возможное.

Люди переглянулись. Потом дядя Петр встал.

— Я поеду. У меня нет выбора. Два месяца — и сердце остановится. Может, раньше. Я хочу попробовать. Ради себя. Ради тех, кто родится после меня.

Одна за другой стали подниматься руки.

— Я поеду.

— И я.

— Я тоже.

В итоге согласились все шестнадцать.

— Спасибо, — Мария чувствовала, как наворачиваются слезы. — Спасибо вам. За смелость. За веру.

Маленькая Соня, лежащая в коляске, тихо спросила:

— Тетя Маша, а если получится... Я выздоровею?

Мария подошла, присела рядом. Взяла худенькую ручку девочки.

— Выздоровеешь, солнышко. Обещаю.

Соня улыбнулась — и в этой улыбке было столько надежды, что у Марии сжалось сердце.

Если не получится, эта надежда умрет. Вместе с Соней.

Нельзя допустить.

Когда закончится этот кошмар

Поздним вечером, когда все разошлись, Мария осталась с мамой и дядей Петром. Они сидели втроем в пустом зале, не спеша уходить.

— Я боюсь, — вдруг сказал дядя Петя. — Так боюсь, что руки трясутся.

— Чего боишься? — мама взяла его за руку.

— Что ничего не выйдет. Что мы приедем, попросим прощения, а Зыковы скажут: нет, не прощаем. И все. Конеч.

— Вера Зыкова обещала привести своих родственников, — напомнила Мария.

— Обещала. Но может передумать. Или ее родственники откажутся. У них тоже нет причин нам доверять.

Мама тяжело вздохнула.

— Знаете, мне бабушка Анна перед смертью сказала одну вещь. Я тогда не поняла, а сейчас вспомнила.

— Что?

— Она сказала: „Проклятие держится на ненависти. Пока хоть одно сердце полно злости, оно не отпустит. Но если все искренне простят — оно рассыплется, как труха”.

— То есть достаточно одного человека, чтобы все сломалось? — уточнила Мария.

— Или одного, чтобы все сработало, — мама посмотрела на нее. — Если хоть один Зыков пришел с ненавистью в сердце, не поможет. И если хоть один из нас не простил себя и предков — тоже.

Дядя Петя помрачнел.

— А я не знаю, могу ли простить прадеда Григория. Он же убил человека. Из-за жадности. И обрек нас всех на эти страдания.

— Но ты должен, — тихо сказала Мария. — Иначе проклятие не отпустит. Ты должен простить и принять. Что сделано — сделано. Мы не можем это изменить. Но можем отпустить.

— Легко говорить...

— Я знаю. Мне тоже тяжело. Я злюсь на прабабушку Елену. На то, что она молчала. Не остановила мужа. Не призналась. Если бы она рассказала правду тогда, может, проклятия бы не было.

Мама покачала головой.

— Не факт. Устинья прокляла род в момент смерти Петра Зыкова. До того, как кто-то мог признаться или покаяться.

— То есть проклятие было неизбежным?

— Возможно. Или возможно, что признание и раскаяние сразу после могли его смягчить. Мы не узнаем.

Они помолчали.

— Знаете, что мне кажется самым страшным? — Мария обвела взглядом пустой зал. — Что за сто двадцать семь лет ни у кого не хватило смелости сделать это. Все знали про проклятие, но ничего не предпринимали. Жили, рожали детей, хоронили их — и снова ничего.

— Страшно было, — просто сказала мама. — После того, что случилось с бабушкой Анной в девяносто первом, никто не рисковал.

— Но тогда когда это закончилось бы? — Мария повысила голос. — Через седьмое поколение? Это еще пятьдесят лет! Еще сотня смертей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.